

логовской Византией говорят факты брачных союзов, заключавшихся между представителями династии Палеологов и династии Арпадов.

Д. Моравчик отмечает значение венгеро-византийских торговых отношений. Он приводит сообщения русской летописи и Вениамина Тудельского о большом количестве вывозимых из Венгрии товаров. Ко времени Белы III (1173—1196) относятся не только венгерские монеты, отчеканенные по византийскому образцу, но и большие находки византийских монет, обнаруженные на территории Венгрии.

Д. Моравчик останавливается далее на мощном влиянии византийской, восточно-православной церкви, которое было ослаблено только после латинского завоевания Византии в 1204 г.

С особым вниманием Д. Моравчик прослеживает влияние, которое оказывали литература и искусство Византии на развитие венгерской литературы и искусства. Любопытно, что Эней Сильвий Пикколомини, будущий папа Пий II (1458—1464), советовал венгерскому королю Ладиславу V (1439—1457) изучить греческий язык, поскольку на нем говорят его многочисленные подданные. Автор приводит много других показаний источников, свидетельствующих о том, что знание греческого языка было широко распространено в Венгрии.

Широкое и разнообразное влияние византийской культуры на культуру Венгрии при Арпадах в X—XIV вв. Д. Моравчик справедливо объясняет тем, что в это время культура Византии была значительно выше культуры Запада. Менее убедительным является утверждение автора о том, что западная культура не могла тогда иметь в Венгрии никакой почвы, так как страна будто бы находилась на какой-то переходной стадии общественно-политического развития, называемой Д. Моравчиком «варварским феодализмом». Нам кажется, что автор несколько преуменьшает уровень общественно-экономического развития Венгрии в X—XII вв. Несомненно, Венгрия достигла к этому периоду уже такого уровня, что была в состоянии воспринять культуру как Византии, так в равной степени и Запада. Поэтому, с нашей точки зрения, сила византийского влияния на культуру средневековой Венгрии объясняется не какими-то особенностями общественного строя Венгрии — «варварским феодализмом», — а именно тем, как это хорошо показал на предшествующих страницах сам автор, что византийская культура была тогда наиболее высокой.

В заключение автор подчеркивает, что византийское влияние в Венгрии было значительно сильнее, чем это пытались изобразить в прежней венгерской историографии. Историки искусства, например, говорит Моравчик, стремились ослабить значение византийского влияния на искусство Венгрии утверждениями о том, что Венгрия могла воспринять его исключительно через посредство Италии, а между тем исследования конкретных форм венгеро-византийских связей далеко еще не закончены. Перед исследователями в этой области стоят еще большие задачи, работа над которыми, несомненно, даст много нового. Некоторые из этих задач намечены автором рецензируемой книги.

Наша обзорная рецензия показывает, что Д. Моравчик поднял и со свойственной ему широтой осветил интересную проблему культурных взаимоотношений и связей между средневековой Венгрией и Византией. Мы уже отметили, что не все бесспорно в его высказываниях. Эти спорные взгляды не мешают, однако, ни в какой степени нашей высокой оценке интересной, содержащей много свежих мыслей работы академика Дьюлы Моравчика.

Б. Т. Горянов